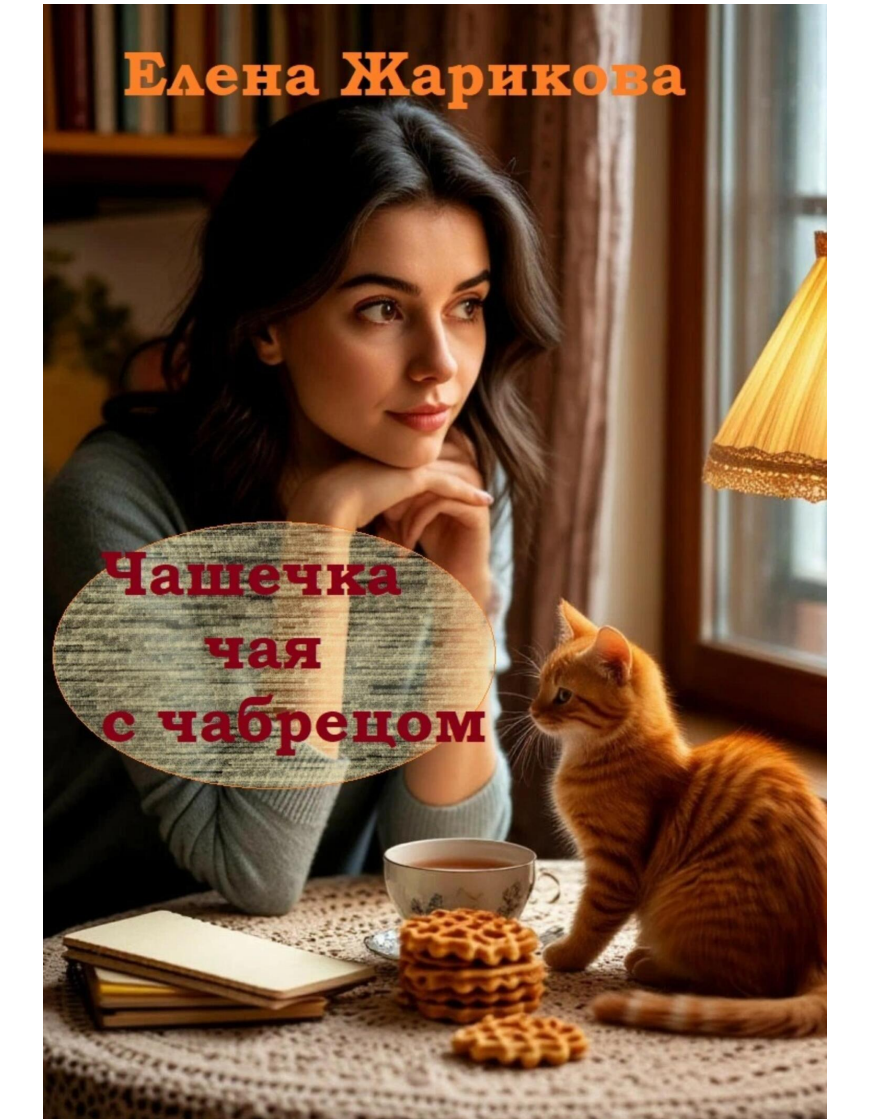

Елена Жарикова

**Чашечка
чая
с чабрецом**

Елена Владимировна Жарикова

Чашечка чая с чабрецом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72206335

SelfPub; 2025

Аннотация

В цикл "Чашечка чая с чабрецом" входят три рассказа. Для них характерны лирические и иронические интонации; в основе рассказов – забавные и вполне реалистичные ситуации, за которыми – женские судьбы, характеры, переживания. Для широкого круга читателей.

Елена Жарикова

Чашечка чая с чабрецом

Чашечка чая с чабрецом и теплыми школьными воспоминаниями

Варенька не заметила, как съежился шагреновой кожей ноябрьский день, как вкрадчиво поползли из остывших углов каморки химеры прошлых болей, дней и обид, стали уплотняться до слов, окукливаться до образов...

Вареньке ничего не стоило взять первую ноту письма. Только вслушается в *серебряющее повечерье* за окном, поймает медный блик тонущего в морозной дымке заката, закроет глаза для верности и начинает вслепую трогать словно случайные клавиши воспоминаний, сначала как бы ощупью, задерживаясь на паузах, сверяя тон с каким-то своим внутренним редактором, с какой-то только ей слышимой звуковой линией – и потом все быстрее, быстрее говорок клавиш, словно далекий перебой набирающего скорость поезда...

В ее одинокой квартирке-конурке густел запах чая с чабрецом и липовым цветом, она забывала, что хотела разогреть слипшуюся глыбу макарон, что и за хлебом надо было сбегать... рой призывков, ритм образов, грай согласных, зияние гласных, шепот безгласных выводил ее на орбиту снов, предчувствий, озарений... Дыхание словно схватывало, пе-

ред глазами мельтешила мошка непрошенных слов, на кончиках пальцах пульсировала непостижимая теплота создаваемой ею жизни.

В подъезде внезапно хлопала дверь, и Варька вздрагивала, на мгновение выдернутая из своего дивного полета, беспомощно прищуривалась в окно, и, глотнув остывшего травяного эфира, снова ныряла в пленительную сутолоку слов и образов.

Сегодня она вспоминала свой первый день работы в школе. Самое первое сентября! Накануне она отутюжила до полного геометрического совершенства свою синюю юбку в складку, еще раз прорепетировала «тронную речь», которую намерена была обрушить на головы своих подданных – пятиклашек, перетряхнула содержимое учительской сумки, где каждая скрепочка-линеечка занимала отведенное ей место и прошла разок-другой в новых туфлях, пружиня и прищелкивая каблучком.

Убежденная в своей неотразимой молодости и взбодренная дыханием первосентябрьского холодка, Варька летела в школу, едва задевая подмороженную землю, и ей казалось – еще чуток, и она взмоет в эти златолиственные кроны, раскинет привольно легкие руки и закружится вместе с сорочьиими переполохами и воробьиными суматохами!

На линейке она стояла едва дыша, окруженная неумным благоуханием бордовоголовых георгинов, звездчато-стрельчатых белых астр, тугих карнаухих бархатцев, – вся в празд-

нично хрустящем целлофане, в синих безупречных складочках, в сиянии ресничек, кудряшек и ямочек... Из-под душевного разноцветья букетов едва были видны макушки белокурые и рыжие, русые и темненькие, они беспрестанно вертелись, о чем-то своем щебетали, по временам дергали Вареньку за рукав и задавали глупые вопросы: «А когда классный час кончится? А у нас много учебников? А кормить будут? А вас как зовут?»

Когда по команде директора дружная когорта вверенных ей пятиклашек двинулась к школьному крыльцу, Варя, сияя каждой складочкой и ямочкой, прищелкивая каблучками, торжественно прошествовала на виду всей школы.

На классном часе Варька – нет, Варвара Михайловна! – чувствовала себя искусным дирижером необъятно-сложного тридцатиголового оркестра, ясно и звучно манипулируя веселой разноголосицей. Она вспоминала, что ловко отбивала, словно ракеткой в теннис, очередной вопрос, остроумно закругляла чье-то недоумение, изящно наклонялась, чтобы поднять укатившуюся ручку... В каждой ее педагогической жилке подрагивал пьянящий восторг, голова слегка подкруживалась – но руки стремительно взлетали, ставили нужную паузу, метко резюмировали. Правда, все тридцать голов как-то смешивались в один блестящий горланящий пестрый ком... имен она не запомнила, фамилии, особенно нерусские, показались ей невыговариваемыми. Исаху-жаев Адхамжон! Азизуллаев Абдулазбек! (А ведь у них еще

и отчество! – Курбанназаровичи какие-нибудь!)

Нагрузив новехонькие ранцы учебниками, щебечущие взахлеб дети завалили ее букетами – Вареньке не хватало рук, чтобы удержать эту пеструю клумбу... Хорошо, что Аленка-компаньонка прибежала вовремя в школу, помогла разобраться с этой стихийной оранжереей...

Варенька откинулась на стуле, стряхнула морок воспоминаний, поправила седеющие пряди, сняла очки в толстой оправе...

В это мгновение в окно ее первого этажа кто-то коротко постучал. Варенька вздрогнула, потянулась к стеклу, прищурилась... В ноябрьских синих сумерках под окошком стоял улыбчивый молодой человек, лет эдак тридцати. В восточной роскоши его темных глаз было что-то знакомое. Варенька поспешила к двери. Не без робости приоткрыла дверь на цепочку.

– Не узнали, Варвара Михайловна? Вот, проходил мимо, решил зайти попрощаться. В Питер с Полиной переезжаем. Все-таки вы у меня классной были столько лет...

– Абдулазбек? Ну, как же тебя узнать? Да проходи же! У меня и чай есть, только вот заварила!

Долго толклись в узкой прихожей: Абдулазбек извинялся, что не предупредил о визите, Варенька неловко распахивала по полкам вольно разбросанные туфли, ботильоны...

Потом пили чай с чабрецом, лимоном и липовым цветом, с домашними вафлями –

и вспоминали. И то самое первое-первое сентября тоже.

– Я ведь тогда самый маленький в классе был, слабый, болезненный.

– Помню-помню: шея худенькая, цыплячья, чернявенький, дичок такой, самого едва от полу видно, одни глазища – зырк-зырк! Сурьезный – страсть! Игрушечный Казбич! Тебе с сахаром?

– Да, пару кусочков. Меня тогда из соседней школы только перевели. Всего боялся: слова кому-то сказать, к учителю подойти, спросить, где туалет.

– Божечки мои! Так, вот вафли – бери-бери, сегодня делала, я сейчас блины еще погрею... Ты ведь на первое сентября тогда с бабушкой пришел?

– Точно так. Вот вы говорите, летали, парили в этот день? Цветочки-бантики всякие вспоминаете... Вы и вправду тогда светились, просто Золушка из сказки – ямочки-кудряшки, юбочка такая кокетливая... А у меня утром 1го сентября маму на скорой с инфарктом увезли. Мама такая молодая была, ну вот как я сейчас, стройная, звонкая, певучая, Шахерезада из «Тысячи и одной ночи» – и только...

Он замолчал, кроша вафли на блюде. Молодая учительница изящной словесности только в октябре узнала, что у мальчишки были непростые времена. И как-то это забылось потом, она успокоилась, зная, что парня воспитывает бабушка, а отец завел другую семью. Бабушка Абдулазбека исправно ходила на собрания, записывала все рекомендации, во-

время сдавала деньги на нужды класса, мальчик всегда выглядел опрятно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.